

ТЕОРИИ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПО ИТОГАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Войцех Вжосек

КЛАССИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КАК НОСИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ (НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ) ИДЕИ

В нижеследующих размышлениях мы будем искать ответ на вопрос, почему национальный взгляд на мир (его прошлое, настоящее и будущее) служит столь прочным фундаментом нашего современного мышления, и не только исторического. Ответ мы находим в характерных чертах исторического мышления, которое в определенной степени несет за это ответственность. Историография создает благодатную почву для упрочения национального мировосприятия. И не только историография последних двух веков.

Традиционный исторический дискурс опирается еще со времен Геродота на поиск тождеств и различий для «Мы» и «Они». Идея «мы» и «они» реализуется в Новое Время в форме повествования о судьбах наций. Оно заменяет и дополняет описания судеб этносов, государств, монархий, династий, а также людей из плоти и крови. Все эти исторические сущности, трансцендентные и земные, становились предметом исторических сочинений. При этом, как отмечает Аристотель, повторяет Вико, анализирует Козеллек, сущности эти подвержены спонтанной антропоморфизации, приобретают вид человекообразного действующего субъекта, который составляет понятийную суть, организующую историческое мышление, и основную ось исторического нарратива. Так нация, становясь главным героем историографических повествований, легитимирует, распространяет и укрепляет в коллективном сознании националистическую идею.

Конкретные национальные историографии, как и нации, рассматривают Других и Себя в рамках стереотипов. Стереотипные

представления, принадлежащие к коллективному сознанию, определяют основные смыслы исторического мышления, причем как обыденного, так и признаваемого профессиональными историками.

Понятие стереотипа, которым мы будем пользоваться, отличается от общепринятого, а оно более или менее таково: стереотип — это противоречащий реальному положению дел взгляд, упрощение, неглубокое, опрометчиво сделанное обобщение, иногда просто ложь.

Мы же иначе понимаем сущность стереотипных представлений. Под стереотипом мы понимаем закрепленные в групповом сознании (и отсюда распространяющиеся на каждого члена группы) синтетические (лаконичные) представления о некотором устоявшемся культурном феномене, причем эти представления обычно не подвергаются рационалистической верификации.

Стереотип — с точки зрения своего статуса в мышлении — устойчив по отношению к переменам.

Стереотип — это фундамент мыслительного порядка: упорядочивающая и систематизирующая составная часть мышления. Своего рода аксиома стихийно формирующегося вокруг него видения мира или одного из его фрагментов.

Стереотип — это категория мышления, понятие, значение которого, в отличие от других понятий или категорий, не подлежит стандартной верификации (фальсификации). Стереотип функционирует в дискурсе как нечто само собой разумеющееся; его значение легко и надолго становится общепринятым, часто превращаясь в догму. Кроме того, опирающееся на стереотип представление о миропорядке оказывается покрытым защитной аксиологической оболочкой. Стереотип защищается от посягательств критического мышления комплексом не всегда осознаваемых оценочных убеждений. Значение стереотипа, как кажется, организуется скорее вокруг пары хороший/наш — плохой/чужой, чем пары правда-неправда.

Стереотипы выступают чаще всего в обыденном мышлении, коллективном сознании, но также и — это подчеркнем особо — в так называемой науке.

Глубинные стереотипы

Мы выделяем два вида стереотипов. Первый функционирует на самом глубоком уровне мышления. В каком-то смысле он даже является его основанием. Можно согласиться с теми, кто полагает, что

стереотипы этого вида (назовем их глубинными) — это убеждения, функционирующие на уровне подсознания или неосознанно. Благодаря им решается вопрос о том, что есть (существует), и каково то, что существует. Они приобретаются стихийно в процессе социализации, приобщения к культуре. А значит, такие стереотипы специфичны для определенной профессиональной компетенции, образования. Те из них, которые составляют фундамент познания и исторического мышления, мы ранее называли историографическими метафорами или стереотипами исторического мышления¹. В литературе предмета их называют символическими парадигмами, архетипами, *roots metaphors* и т.д.²

Именно стереотипы исторического мышления приводят к тому, что историки, описывающие данную историческую эпоху, представляющие определенное течение в историографии или историческую школу сходным образом интерпретируют прошлое, понимают друг друга и беспрепятственно могут прийти к согласию. Наличие таких стереотипов становится особенно очевидным, когда происходит обратное: когда мы не можем понять друг друга или тогда, когда знакомимся с поразительно отличающимся от нашего взглядом на прошлое. Тогда мы поражаемся: как можно (можно было) так думать?!

Именно эти глубинные структуры исторического мышления являются, среди прочего, предметом историософской и методологической рефлексии. В свою очередь, историкам они не представляются достойными анализа, более того — они признаются специфическим объектом (мягко говоря) философии, а точнее — спекуляцией метафизического характера. Происходит это потому, что сами историки мир своих глубинных стереотипов считают данностью, чем-то истинным и очевидным. Оттого чаще всего они этого не замечают. Если же замечают, то нередко пренебрегают из-за интуитивного опасения подвергнуть сомнению свои и общепринятые исследова-

---

¹ *Wrzosek W.* History — Culture — Metaphor. The Facets of Non-Classical Historiography. Poznań, 1997. P. 28-29; *Black M.* Models and Metaphors. Studies in Languages and Philosophy. Ithaca, N.Y., 1962; *Ricoeur P.* La métaphore vive. Paris, 1975; *Wrzosek W.* O myśleniu historycznym. Bydgoszcz, 2009 (здесь наиболее полно представлена данная проблематика).

² *Beardsley M.C.* Aesthetics. New York, Harcourt, Brace and World, 1958.

тельские принципы. Историки, как правило, не интересуются эпистемологическими основаниями своего собственного мышления.

Базовые глубинные стереотипы исторического мышления — идея генезиса и идея движения (развития, динамики)³. Без них сложно представить историческое мышление. Лишив историка привычки устанавливать генезис явлений (событий) и производить их генетическое упорядочивание, а также отбросив идею об изменчивости, движении, становлении, мы лишили бы историю историчности. Таким образом, можно сказать, что эти два стереотипа в их историческом воплощении и культурном колорите — это, безусловно, основополагающие черты исторического мышления. Им сопутствуют другие, производные от них и технически с ними связанные. Так возникает понятийная сеть исторического мышления.

Согласно нашим определениям, традиционная историография, которую мы назовем классической, отличается от неклассической, в частности, тем, что опирается на другие глубинные стереотипы. Неклассическая историография по-новому рассматривает стереотипы, присутствующие в классической историографии, и модифицирует их. Предложения новых историков, как это обычно бывает в таких ситуациях, подвергаются критике приверженцами прежних стереотипов, которые защищают их как несомненно правдивые.

В ходе конфликта новых и старых стереотипов исторического мышления выявляется мыслительный статус фундаментальных основ природы истории, их историческая и культурная конвенциональность. Попутно раскрывается значение прежних идей. Они подвергаются своего рода верификации и начинают конкурировать с новыми. После того, как новые стандарты мышления приобретают известную популярность, отчетливо обнаруживается стереотипный статус прежних. «Старые» убеждения, с точки зрения «новых», становятся теперь уже очевидными стереотипами традиционного мышления, также и в популярном значении этого понятия.

В типичном историческом дискурсе факт существования глубинных стереотипов отмечается явно и публично именно в моменты

---

³ Nisbet R. L'Histoire, la sociologie et les révolutions // L'Historien entre l'ethnologue et le futurologue. *Actes du séminaire internationale pour la Liberté de la culture*. La fondation Giovanni Agnelli et la fondation Giorgio Cini, Venise, 2-8 avril 1971. Paris, 1972.

так называемых кризисов в науке или в пору бурных изменений. Обычно историки их не замечают, не чувствуют их существования, как все мы не ощущаем факта дыхания. Историки «дышат» стереотипами своей профессии и осознают факт дыхания тогда, когда условия меняются. Современная история историографии занимается именно историей того, чем и как дышали и дышат историки.

Предметные стереотипы

Историки, вероятно, чаще думают о стереотипах, которые мы бы назвали (в отличие от рассмотренных выше), эпистемологическими, предметными. Они принадлежат не столько к глубинным канонам профессии, сколько являются составной частью исторического коллективного сознания и предметного исторического знания.

Некоторые из них введены в профессиональный обиход, другие же существуют только в обыденном сознании. Историки и производят их сами, и воспринимают уже созданные ранее в публичном дискурсе. Этот своеобразный обмен доказывает, что история находится в тесном контакте с окружающей ее культурой.

К важнейшим профессиональным стереотипам относятся, по нашему мнению, такие, которые присущи историкам безотносительно их этнической (национальной) принадлежности. Таким образом, это глубинные стереотипы. Именно они объединяют историков независимо от национальности. Разделяют же историков, вероятно, среди прочего, различные этнические стереотипы, укорененные в национальной традиции, в частности — в национальной историографической традиции. Стереотипы второго рода представляют собой идеи, выросшие из культурной традиции: национальной памяти, литературной, религиозной традиции.

Стереотипы этнические. Стереотипы национальные

Таким образом, наряду с глубинными стереотипами функционируют стереотипы, сохраняющие прочную связь с национальным (этническим) началом. Историография, в том виде, в котором она известна в антично-западноевропейской культурной традиции, связана с европоцентризмом и отдельными национальными этноцентризмами. Подавляющее большинство предметных стереотипов — это собственно свидетельство этих культурных и исторических связей истории. Этническая перспектива, а начиная с Нового Време-

ни — национальная, становится неотъемлемой чертой историографии. Одни с этим соглашаются, другие этого не замечают, считая национальную точку зрения объективной. Третьи, в свою очередь, хотят ее преодолеть и построить историю, свободную от этнических стереотипов. Мы рассмотрим эти точки зрения подробнее.

В самой простой, с точки зрения познания, ситуации находятся те историки, которые пребывают в наивно-романтическом убеждении, что их точка зрения не является национально эгоцентричной. Они продолжают, как и прежде, искать истину, полагая, что, поскольку они, как и их предшественники, стремятся к объективности, достаточно, чтобы их исследования были свободны от этнических предубеждений. Методологическая наивность такой позиции становится очевидной в том случае, если данная исследовательская позиция проявляется в полемике с литературой этноса, нации, государства, взаимоотношения с которым носили драматический характер. Сложно найти исключение из этой, как представляется, врожденной черты национальных историографий.

Историография нации этноцентрична по определению. Нужно особо подчеркнуть, что она является таковой не столько по причине тесной связи с национальными ценностями, сколько в силу самой своей сути: она занимается судьбами своей нации, и это именно она оказывается в центре мышления и исследования. Эта нация, или государство, или династия становятся героями драмы, главная роль в таком повествовании отводится именно им. Национальная историография — своего рода «биография» нации (или государства). Судьба этого субъекта истории становится основным сюжетом, главной линией интерпретации исторического нарратива. Национальная интрига, в понимании Поля Вена и Поля Рикера⁴, устанавливает порядок и определяет смысл событий с точки зрения доминирующего субъекта: нации, государства, этноса. Интрига повествования закручена вокруг главного действующего лица драмы.

Национальная историография чаще всего является фактически автобиографией народа. Другие участники истории оказываются для нее лишь фоном, контекстом. Это, собственно, предопределяет тот

---

⁴ Veyne P. Comment on écrit l'histoire suivi de Foucault revolutionne l'histoire. Paris, 1978. P. 35-38; Bugajewski M. Historiografia i czas. Paula Ricoeura teoria poznania historycznego. Poznań 2002. P. 115-120.

факт, что национальная история этноцентрична. В результате национальные историографии состоят в многовековом диалоге (споре, иногда конфликте) этноцентризмов. И никак (на уровне историографического повествования) этого не избежать.

Этноцентрическая перспектива навязывает своеобразный тип устройства описываемого мира. Проследить национальную судьбу, как и человеческую жизнь в автобиографии, — основная задача данного жанра исторической литературы. Остальные субъекты политической истории в таком случае наделяются стереотипным статусом Соседа, Чужака, Другого, иногда Врага или Союзника.

Национальная историография — как правило, все же политическая, — идя по пути стереотипов, грешит схематичностью. Она наделяет участников политической игры конкретным стереотипным, квалифицирующим и классифицирующим смыслом. Такие меры делают интригу прозрачной, смысл хода событий — очевидным, выявляют намерения действующих лиц драмы и место в ней статистов. Так происходит потому, что (как отмечал еще Аристотель и описывал Вико) мир истории антропоморфен. Само вычленение исторических реалий/сущностей, таких как государство, этнос, нация, народ и т.п., по образу и подобию человека делающего и мыслящего, мы некогда называли перспективой непосредственной антропоморфизации. Собственно, такая перспектива восприятия предопределяет глубинную связь классической истории и национальных ценностей. Это непосредственно связанные с ценностями отдельных людей так называемые Национальные Ценности. Поскольку нация рассматривается антропоморфно, ее ценности тоже похожи на человеческие. Если бы было иначе, они не складывались бы тогда в единую, однородную картину, не были бы доступны для сознания отдельных людей. Перспектива отдельного человека, горизонт индивида является одновременно перспективой как описания (например, Хронист, историк), так и восприятия этого мира (читатель исторических трудов, заказчик хроники Королевства...).

Стереотипные представления о субъектах истории

Собственно, здесь видна решающая роль глубинных стереотипов в формировании предметных стереотипов, в т.ч. национальных.

То, как толкуются субъекты политической истории в традиционной историографии, демонстрирует это особенно наглядно. Это

представление о прошлом как о действиях людей и человекоподобных субъектов (этносов, государств, империй, церквей и т.п.), которым присущи устремления, подобные человеческим. Им не чужды ситуации, в которых оказывается человек из плоти и крови, они мыслят, стремятся к цели, интригуют, предают, ведут себя благородно... Эти субъекты истории — так называемые единичные действующие субъекты. Они творят историю, действуя подобно людям. Этот способ мышления и повествования — распространенная и имеющая долгую традицию практика написания истории.

Стереотипное представление о таких исторических сущностях как государство, нация, церковь, институт, и даже культурная, профессиональная, общественная группа, подобно активному человеку вводит в мир истории человеческие цели, ценности, мотивации и т.п. В результате исторические реалии оказываются уподобленными человеку, мир истории именно поэтому (если не благодаря этому) также является миром человека. История потому является дисциплиной гуманитарной, что все уподобляет человеку, даже те сущности, которые, по мнению историков, людьми не являются.

Подведем итоги: историкам присущ глубинный стереотип, состоящий в восприятии субъектов истории, не являющихся людьми, по образу и подобию человека. Тем самым они оказываются вовлеченными в аксиологические и психологические контексты человеческой деятельности, что приводит к тому, что контексты видения других субъектов — соседей, чужаков, других — также тесно связаны с человеческими ценностями. Как следствие, как бы естественно возникают предметные стереотипы, о которых спорят историки, публицисты и обычные носители исторического сознания.

Для исследователя историографии из вышеуказанного представления следуют определенные директивы. Для исторической идентификации определенного исторического видения прошлого, в том числе и творчества историка или исторической школы, принципиально важным представляется выявление того, какие базовые историографические стереотипы она претворяет в жизнь, какие фундаментальные метафоры историографии определяют устройство представляемого мира. Для классической истории принципиальным является указание, вокруг какого антропоморфного героя развивается драма истории, кто выступает в главной роли. Несомненно, для

указанных фаз развития историографии такой субъект истории, герой исторического повествования имеет определенный исторический смысл и установление того, кем является герой повествования Длугоша, Макиавелли, Лелевеля, Мишле, Ранке имеет принципиальное значение. Анализ примененных, рассмотренных в конкретном историческом контексте значений узловых понятий, описывающих основные исторические субъекты, позволяет, например, проследить преемственность или непреемственность идеи этноса — народа — нации, или же, например, идеи государства, смысловое наполнение которой в X веке явно отличается от XVIII века.

Практические пути решения этой задачи подсказывают нам исследования, предложенные Козеллеком, или превосходный анализ Кангиллема. Они позволяют избежать ошибки неисторичности, или презентизма, проистекающего из рабского подчинения метафоре генезиса/телеолога. Не подчиненный принципу историчности ретроспективный метод является причиной критики адаптационных интерпретаций в историографических исследованиях. Так возникает история по заказу современности, так возникает презентистская история историографии. Историческая семантика Козеллека или история понятий Кангиллема могли бы помочь раскрыть суть наших современных ожиданий, в том числе мировоззренческих и политических, в отношении прошлого. Такой подход позволяет показать, что прошлое не укладывается в требования современности, оно было многосубъектным и многокультурным, это действительность, а не только выборочная история современности.

Перевод М.И. Хазановой